

Шпалы по имени Эля и Ганс

Кто мог бы выступить свидетелем на Нюрнбергском процессе, но не выступил? О коллективной вине спросите у русских немцев

Немцы-рыбаки на Таймыре. Источник: красноярский «Мемориал»*

07:07, 5 мая 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Война завершалась. И 80 лет назад, с конца 1944-го и весь 45-й, в Сибирь снова шли эшелоны с немцами. Мирными. Если в сентябре 41-го СССР принимал превентивные меры против потенциальной пятой колонны, убирая советских немцев с Волги, то в 45-м какая была нужда в депортации немецких женщин, стариков, детей, коли уже всё — победа?

Возмездие? Кара — вроде к тому времени бессмысленных и запредельных огненных штормов в немецких городах после их бомбардировок союзниками?

Еще долгих 10 лет советские немцы — а многие считали себя победителями, ведь они советские — будут ссыльными. Освободят из-под надзора в январе-феврале 1956-го, но вернуться домой не разрешат.

До окончательного снятия запретов и ограничений доживут немногие.

1.

Лидия Иосифовна Леонова (Гельцелихтер) родилась 18.01.1941 в Одесской области, д. Эльзас (переименована в Щербанку). Ее [свидетельства](#) записаны в 2007-м в ходе четвертой экспедиции Енисейского педколледжа и красноярского «Мемориала»* в Усть-Кеми (Красноярский край):

— ...Привезли в Черемхово, какое-то время жили там в большой землянке на восемь семей. Однажды в этой землянке заболели чесоткой, и дядя вырыл новую землянку на две семьи. У тети Полины были красивые длинные волосы. Мне рассказывали потом, что когда я находила выпавший волос, то наматывала его на большой палец и сосала, тем самым утоляя голод.

Питались подорожником и пастушьей сумкой. В лес ходить

запрещалось (кроме воскресенья). В основном ходили за черемшой. На базаре обменяли подушку на стакан овса. Чтобы как-то прожить, мать чистила стайки за кусок хлеба, работала на фабрике.

Затем перевезли в д. Кумору. Поначалу местные жители подсмеивались и говорили, что у немцев должен быть третий глаз...

Такое было повсеместно, говорит председатель красноярского «Мемориала» Алексей Бабий — через него прошли все эти рассказы, он сам собирал свидетельства:

«Местные даже щупали головы немцам: искали рога. Потом разобрались, подружились, переженились».

Алексей Бабий. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Действительно, похожих рассказов в базе красноярского

«Мемориала» — многие десятки. В Сибири 80 лет назад выгружали эшелоны с фольксдойче — советскими немцами, что побывали под оккупацией, отступали вместе с вермахтом в рейх (почти во всех воспоминаниях подчеркивается, что немецкие войска забирали их с собой насильно). По мере советского наступления этих переселенных немцев репатриировали. Только не домой, а в Сибирь.

Во всех свидетельствах жалость по потерянному дому, рассказы о мытарствах и страданиях, голоде, холоде, болезнях, погибших родственниках, тяжелой работе. В 1956-м ссыльных освободили. Выдавая паспорта, говорили: езжайте куда хотите, но не на родину. И, как понимаете, раз эти свидетельства собраны здесь, эти люди в Сибири и остались. Навсегда. Возможностями уехать в Германию, открывшимися с 90-х, не воспользовались.

По [данным](#) красноярского «Мемориала», в выгруженном в Красноярске в декабре 45-го эшелоне, помимо репатриированных из Германии украинских немцев (из юго-западного Причерноморья — Одесской, Николаевской, Запорожской и, возможно, Херсонской областей), находилось и много украинцев. Списков в открытом доступе нет, архивы МВД для исследователей теперь закрыты.

То был южный поток. До этого, в 1942-м, [был северный](#) — ленинградских немцев (и финнов). Часть этих списков красноярский «Мемориал» нашел в краевом госархиве (ГАКК).

Огромные простыни, библейские, кажется, каждая шпала по пути в Сибирь именная (пропущенных и безымянных нет — добавьте калмыков, финнов, литовцев, латышей, эстонцев и пр. депортированных): семьи, роды перечисляются поголовно — дети, внуки, матери, бабушки. С ними тогда еще деды и отцы. Вскоре семьи разделят. Кого-то отправят дальше на север — ловить неводом рыбу и умирать от голода, холода, цинги. Кого-то, преимущественно взрослых мужчин и бездетных женщин,

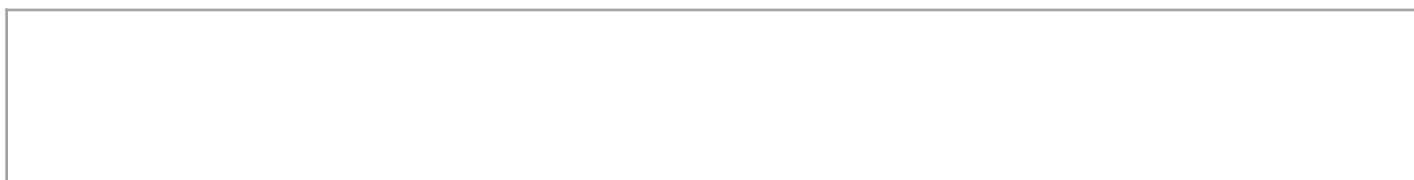
до этого заберут в [трудармию](#).

Яков Бирих. Источник: красноярский «Мемориал»*

Яков Бирих родился в АССР НП в 1922 году, депортирован в сентябре 1941-го с семьей из 9 человек в д. Сидорово (Грязнуха) Курагинского района Красноярского края. Где в начале 90-х и давал [интервью](#). Из трудармии вернулся в 1948-м:

— Умирали, как мухи. Кормили затхлой крупой. Валились от дизентерии косяками, хоронили в болоте, прикрывая мхом. Не выполнишь норму днем, вали лес ночью. Спать ложились не раздеваясь. Без бани заедали вши, косил тиф. На ногах деревянная обувь или лапти. Просились под пули, на фронт. Знали, легче от пули умереть, чем от голода, тифа и дизентерии.

**Из письма Анны Шиловой, ст. Решоты
Нижнеингашского района Красноярского края,
13.06.1989:**

— ... я знала хорошо кладбище захороненных заключенных. Как много горя пережил народ! Знала я много лагерей — 2, 10, 3, 11, 46-й. Их столько было вокруг Лебяжья; по долгу работы бывала и в зонах, а сколько эти зоны оставили кладбищ, даже с колышками и досками.

На втором лагпункте были немцы с Волги — Поволжья, в основном мужики. И сейчас стоят перед глазами изможденные и исхудалые, скелеты, обтянутые кожей, взгляды бессмысленные. В 1946 году их раскрепостили — открыли ворота и — идите, куда хотите. Люди шли и падали. Так же было и с военнопленными нашими русскими. Как вспомню, и сейчас сердце кровью обливается. И как же один изверг-деспот повернул власть так — столько причинить страданий, боли. И все мы его называли мудрым, отцом любимым. Ужас.

И вот наши, неповинные ни в чем немцы (немцы Поволжья) шли по деревням и химлесхозовским поселкам в поиске чего-нибудь поесть, но что народ мог дать. Все сами голодали, но все-таки чем могли — делились. Потом немцы обосновались, т.е. строили себе землянки (между 3-м лаг. и 2-м лаг.). В лесу разрабатывали участки земли, садили картошку, овощи.

Знала я много лагерей: 2, 10, 3, 11, 46. Их
 считали Ботло вокруг Лебедевского. По долгу
 работы бывала в зонах, а сколько эти зоны
 оставили клановые, даже с кем-то.
 На втором лагерьке были немцы с Поволжья,
 в основном мужики. И [есть?], это стоят
 перед магазином: ирландские, ирландцы; скот-
 ты обтянутые кожей, французские, немецкие.
 В 1946 их раскредитовали. Открыли ворота зоны
 и ирландцы хотели; люди шли и падали.
 Также было и с военнопленными немцами, русскими.
 Как вначале и сейчас сердце кровью обливалось.
 И как они изверги зверо-поверну [власть] так.
 [Силой?] пригнали страдания, боли. И все это
 его мариновали извергом, отцом любимым, у нас.
 И вот наши, немцы, немцы и немцы с
 Поволжья или по деревням и хитроуховским
 поселили в зонах что-нибудь поить, но это народ
 мог дать, все сами голодом. Но все-таки, чем мо-
 ли - делились. Потом ~~наши обманывали~~
~~наши обманывали~~ обманывали, т.е. и

строили себе жилища (между 3 и 2 лагерьками)
 в лесу, разрабатывали участки земли, давали -
 картошку, овощи. Но где они работали - не знаю.
 Многие были в самооборону т.е. в охране, охра-
 нить заключенных (в Лебедеве, где были немцы,
 называли "Котай-город").
 Знала я Калитков в поселке десногос.
 Ботло мой, это они перенали, какой у нас!
 Жили они в хитроуховке на участке Хутор Клин,
 Чистый. Представил себе, народ степной,
 а тут все, тайга, туча и много голов. Сколько
 их вымерло, сколько их находили в лесу мертвыми.
 Сметены в лесу можно заблудиться и в двух соснах.
 Я дам Владимир одного из десногос. Он работал
 в зоне на 2 лагерьке. Не знаю, кто он по ~~националь-~~
 ности немец или поляк, но до 46-47 он считался как
 [зек?]. (Писали ему подзакатней, чтобы не распро-
 щать его прощание) его адрес: ст. Рашот, районской
 ул. Союзная, (дома не знаю, но он там все знает), фами-
 лия - Граф Владимир. С уважением Шилова А.А.

Письмо Анны Шиловой. Источник: красноярский «Мемориал»

2.

Кто мог бы выступить свидетелем на Нюрнбергском процессе, но не выступил?

Не те немцы, кого увозили из Германии в 1945-м, — у них на тот момент еще все впереди. Могли бы — те, кого привезли в Сибирь в 41-м.

Иосиф Шейн, капитан катеров. Дудинка. 1980-е.
Паулина Боос (Шейн). Дудинка. 1970-е годы. Источник: красноярский «Мемориал»

Из воспоминаний Паулины Бенедиктовны Шейн (Боос), 1997 г. (Таймырский краеведческий музей):

— Мой муж Иосиф Иосифович Шейн родился в 1928 году на Волге, в Саратовской области. Сослан в Усть-Хантайку вместе с матерью и братом. В Усть-Хантайке умер его брат. Не было сил хоронить. Сделали общую могилу. На Таймыр, в Усть-Хантайку, привезли поздно, 4 октября 1942 г., с третьей партией спецпоселенцев. Было очень страшно. Выгрузили всех на берег, уже лежал снег. Жили в палатке. Выкопали в промерзшей земле землянку, положили сверху кусок жести и залезли в нее всей

семьей из девяти человек.

В апреле 1943 года от страшной цинги умерли отец, мать, невестка с тремя малолетними детьми. Мы, четырнадцатилетние подростки, помогали взрослым чем могли. Но сил не было таскать на себе соль и лодки. От голода еле волочили ноги, питались в пути одними грибами. Однажды увидели на берегу рыбы кишки и стали их есть.

В 1944 году из Хантайки спецпоселенцев привезли в пос. Пшеничный Ручей, где находился Дудинский рыбзавод. Так до пенсии там с мужем и работали. Сама я родилась на Волге в 1928 году.

Рыбаки-спецпоселенцы станка Малышевка Дудинского района. Вьюнова коса. 15 июля 1947 года. Источник: красноярский «Мемориал»

В 1945-м Паулине и Иосифу исполнится 17 лет, кто их будет в

Нюрнберге слушать, да и не добраться им туда, не выпустят из СССР. Но, может, другим бы удалось, постарше?

**Из воспоминаний Марии Ивановны Цветцых (Бруль).
Записано в поселке Усть-Порт в апреле 1991-го
(Таймырский музей):**

— Отец наш умер на Волге в 1933 году. Я родилась в 1927-м. В Красноярский край приехали втроем: я, сестра Эмма и наша мама. Сначала в с. Михайловка Ирбейского района. Мама все время болела. 1 июня 1942 года нас отправили на Север. Выгрузили всех в пос. Караул, распределили по рыболовецким точкам. 56 человек, в том числе и я, попали в пос. Никандровск. В апреле 1943 года умерла наша мама — ей было 45. Остались мы вдвоем с сестрой. Эмме было 18, мне — 15.

В Никандровске все болели цингой. Из 56 в первую же зиму погибли 11. Среди них мои ровесники. Один мальчик решил бежать к маме в Сибирь и замерз в дороге. Во время пурги девочки обморозились, одну так и не нашли. Работала я рыбачкой, ноги все время болели. Лечили нас хвоей.

В 1947 году потребовались 20 человек в поселок Усть-Порт. Я попала в бригаду грузчиков на рыбоконсервный завод. И штукатурила, и землю кайлила, и уголь возила на себе. Здесь вышла замуж. Мой муж Александр Андреевич Цветцых родился в Поволжье в большой многодетной семье. Мать умерла после девятого ребенка. Отец умер на Таймыре в феврале 1943 года от голода. Хотел обменять на продукты швейную машинку. Но сил

не хватило даже поднять ее. Детей воспитывала старшая сестра.

Разделяние белухи. Низовья Енисея. 1949–1951. Источник: красноярский «Мемориал»

Марии на начало процесса в Нюрнберге уже 18. Или вот кандидатура из ссыльных поволжских немцев еще постарше. Ей на тот момент — 20.

Гильда Георгиевна Малышева (Протт). [Записано](#) в пос. Потапово в 1992-м (Таймырский музей):

— На станке Никольском был колхоз им. Кирова.

Страшно было в первую зиму 1942–1943 г. Люди голодали. Шкуры от оленя, чешую рыбную ели. Одинокие девочки-подростки от голода съедали себе пальцы. Многие замерзали в тундре, так как не было сил везти на себе дрова или рыбацкие сети...

Но и Гильды не было в Нюрнберге, ее вообще больше нигде не было, кроме этой лесотундры. Их правды никто не выслушал, и вот то, что Гильду успели записать, — чистая случайность, скорее ошибка, чем промысел божий, потому что куда больше ее земляков ушли, и их слова не услышал никто, мы ничего о них не знаем. И Гильда, Мария, Паулина, их мужья остались бы безвестны — если б советская власть чуть задержалась.

У ручья. Миля Дейграф, Эрика Кох, Тереза Пабст, Эля Прейстер, Эля Штоль. Поселок Потапово. 1950-е.
Источник: красноярский «Мемориал»

Скажите: при чем тут нацисты и Нюрнберг? **Страдания** немцев СССР — это преступления сталинского режима, Советов, а не гитлеровцев.

Но дело в том, кто начал. Гитлер напал на СССР, а не наоборот. И вина за то, что происходило с советскими немцами, прежде всего на Третьем рейхе. Не буду сравнивать степень рассеяния по миру сегодняшних русских с тогдашними немцами, но факт, что вне Германии немцев жило полно еще задолго до Гитлера. А уж с его появлением... Прогерманский путч в Австрии, плебисцит в Саарской области, выступления в Судетах, Мемеле (Клайпеде), антинемецкие волнения в Польше, Бельгии, Франции, интернирование японцев в США — перечисляю к тому, что хоть фактов сотрудничества советских немцев с фашистской Германией накануне войны обнаружить так и не удалось, депортация немцев из Поволжья в логике того времени вполне объяснима.

Пройдут годы и десятилетия после Второй мировой, но самими же нацистами в свою же нацию выпущенные пули все будут летать и скакать, пусть уже не убийственные, но бьющие — несмотря на задержку — с оттягом:

есть вещи, которые немцам из-за Гитлера так и не простили. И до сих пор. И, возможно, никогда не простят — не по гамбургскому счету или по нюрнбергскому, а по русскому, еврейскому, польскому...

Бернхард Шлинк, автор знаменитого экранизированного романа «Чтец»: «Я не могу сказать, что благодарен за то, что я немец, потому что иногда я воспринимаю это как огромное бремя». Шлинк **говорил** это в то время, когда я был в Германии и

видел ровно то же — бремя национальной принадлежности: все чисто, ровно, упорядочено, и зависшая, все пропитавшая многолетняя фрустрация. Тени Второй мировой тут, никуда не делись, и немцы ими скованы, придавленные до толщины этих теней. С вшитыми чипами мультикультурных ограничений. «Я не знаю, на сколько лет, но определенно в обозримом будущем немцы будут связаны своим прошлым, и это повлияет на то, как они будут вести себя в Европе». Какими бы «хорошими» ни были некоторые немцы — Шлинк тогда, в 2012-м, говорил о своих внуках четырех и восьми лет — «все равно придется с этим справляться. Когда они поедут за границу, в Британию, и увидят все эти фильмы, в которых по-прежнему показывают «плохих немцев», им придется найти способ справиться с этим... Им придется понять, откуда берется этот гнев, что он исходит из реальных ран, которые до сих пор мучают людей».

Немецкую культуру невозможно было отменить, но все же. Рискую уподобиться тем, кто цитирует Черчилля (хотя прямо так он не говорил) — «Мы боремся не с Гитлером, цель — подавить дух Шиллера», долго искал, кто же из сегодняшних англичан написал не так давно: современному миру не хватает Германии. Не нашел, но отчетливо помню, что — было, и автор имел в виду немецкую философию, технический гений, ее поэзию, имел в виду даже, возможно, неотделимый от всего этого ее дух — тот, донацистский, такой притягательный, из которого еще нацизм не вырос (но вырастет)... Все так, но кого в том винить?

Северо-Енисейский детсад № 1. Группа сирот. 1948 год. Фото: администрация Северо-Енисейского района Красноярского края

Элла Готлибовна Громова (Шефер), 1941 г.р.:

«Один мужчина захотел съездить на родину, посмотреть, что стало с оставленным там домом. Не спросив разрешения у властей, уехал, и его из-за этого потом чуть не посадили в тюрьму. Приехав в родные края, увидел, что в домах, где до депортации жили немцы, сейчас живут русские, в т.ч. в его доме. Русские, увидев этого мужчину, вышли к нему с ружьем».

Отложенные пули так и летают, рикошетят. Изгнанные из родины детьми доживают в Сибири — как бы ни говорили, что та стала новой родиной, по факту — чужбина. И во внуках и правнуках немецкого осталось немного. Да, ухоженность домов, огородов, единственные палисадники на деревню, множество цветов — но язык забыт.

Пули достали в реальности и тех немцев, кто жил вполне благополучно, кого никуда не депортировали. В сентябре 2019-го умер Зигмунд Йен, первый немецкий космонавт, старший друг: в путешествиях с 90-х годов прошлого века по Сибири и миру для меня, для всех в нашей компании он был вроде генерала Гэндальфа — хотя бороды не носил. Седовласый, добрый и абсолютно стальной человек.

Зигмунд Йен. Берлин. 2011 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Йен был тоже в какой-то мере советским немцем. Куда более

советским человеком, чем я, — хотя и уроженец Саксонии, деревни Моргенрёте-Раутенкранц у самой чешской границы (там потом откроют музей космонавтики). Родился в 1937-м, а в 1938-м Германия аннексирует Судеты. Когда мы были с Йеном на его родине, заезжали в Чехию. Многие местные ездят туда выпить именно чешского пива, заправки и магазины там дешевле. Йен, естественно, не помнил, как граница в 38-м отодвигалась — он помнил, как в 45-м она пошла обратно. С этническими чистками и депортациями судетских немцев.

Помнил, как до этого у них работали пленные русский и украинец — делали ему игрушки. Йен хотел узнать судьбу отца, и узнал — много позже (дальше я не расспрашивал).

Жизнь оказалась связана с СССР. Русские офицеры учили летать, закончил Военно-воздушную академию им. Гагарина, Майя Кристалинская — любимая певица на всю жизнь. Младшая дочь (и ее муж) учились во Втором московском меде.

Встречал в аэропорту в Берлине: у него была «Пежо», как и у дочери Марины. «Не патриот вы Германии», — пошутил кто-то из гостей. «Нет, я патриот России», — со всей серьезностью ответил Йен. И выйдя на шоссе, как всегда, положил стрелку спидометра — ездил он, как летал.

Лишь однажды не то чтобы пожаловался на жизнь, нет, но... 21 июня 2014 года приехали к нему домой в Штраусберге. Аллеи из старых лип, сказочный городок. По сути, пригород Берлина. И генерал-майор в отставке Йен, Герой Советского Союза и Герой ГДР, начал рассказывать, где чьи дома из бывшего генералитета ГДР, заместителей министра обороны ГДР. И кто из них при новой власти отсидел в тюрьмах (недолго, по году-два).

— А я был первым космонавтом ГДР. Этой страны больше нет, значит, и полета,

получается, не было. У меня не осталось ни одной награды, данной мне ГДР...

Вдруг оказался четвертым первым, три первых астронавта — из ФРГ. Это шло от Меркель.

Мы стояли в его саду рядом с привезенным с Байкала и прижившимся кедром. Из того же кома сибирской земли проклюнулась брусника.

В те последние путешествия по Сибири он прилетал с внуком — уже натовским летчиком.

Зигмунд Йен с дочерью Мариной на Байкале. 2009 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А тогда, утром 22 июня, поехали к рейхстагу. Там было пустынно. Работал американский фастфуд — там, где Красная армия выкатила в последние часы орудия, и 89 стволов били

уже прямой наводкой.

Но блинную свою или пельменную, или рюмочную русские здесь не открывали.

В [английской](#) версии Википедии — о том, что из коммутационного центра в Штраусберге шли шифровки от Гитлера для командующих группами армий, о том, что с 41-го сюда везли мужчин и женщин из СССР, Польши, Нидерландов, Италии для принудительных работ, что в 44-м здесь создали женский лагпункт Заксенхаузена. О том, что в начале 1945-го через Штраусберг прошел [марш смерти](#) заключенных из расформированного концлагеря Жабиково (к югу от Познани) в концлагерь Заксенхаузен. И о том, что после 45-го здесь разместилась резиденция министерства нацобороны ГДР.

В русской версии Википедии об истории Штраусберга ничего, кроме [одного](#): с 1947 года по 1949-й здесь стоял 197-й гвардейский Сталинский авиаполк. Тем история города и ограничивается.

Это как материалы Нюрнбергского процесса — 42 тома на английском (французском, немецком) и двухтомник в СССР, впоследствии [расширенный](#) до семи томов и далее — [до восьми](#). (Один человек, историк Сергей Мирошниченко, сейчас, спустя 80 лет, [переводит](#) и выкладывает в Сеть стенограмму процесса, [на этот момент](#) — 14 томов. В цифре, не бумажных. Будут еще.)

И я вовсе не сравниваю тотальную и эффективную денацификацию, проведенную США в ФРГ, с советской в ГДР, и не намекаю на то, что будет после воссоединения россиян, уехавших и оставшихся, «хороших русских» и «плохих» (тоже по-своему разделенный народ).

Я лишь о том, что можно прожить очень

достойную, даже героическую жизнь, ни в чем не ошибиться, не преступить ни божьего, ни человеческого, но отложенные пули (не из твоего прошлого, а — отца, деда, прадеда) все же долетят.

Снимут потом кино, скажут: «эхо войны». И это будет похоже на правду. Хотя, казалось бы... Какая связь между Гитлером и тем, как восточногерманских немцев придавило повторно?

А кому предъявлять?

И это англичане или русские могут говорить, что Германии миру не хватает. Сомневаюсь, что прошло довольно времени, и мир готов выслушать те же слова от немцев.

4.

Красноярка Елена Томулевич **подняла** на городской мусорке стопку сшитых тетрадных листов. Это был дневник Эльвиры Киндсфатер, начатый в 1941-м — ей 11 лет, и их семью вместе со всеми депортируют. Первая запись, орфография авторская: «Сегодня мы уезжаем из гор[ода] Энгельса в Сибирь. Что такое Сибирь и что нас ожидает в Сибири, я себе не представляю». За два года до этого, в 1939-м, Москва печатает книжку «Волшебник Изумрудного города». Там, только по сказочной стране, путешествует не Эля — Элли. А так — почти то же: дровосеки, страшилы, людоеды, где-то фантастически далеко великий и ужасный Гудвин. Жизнь подражает искусству. Уж как умеет и как получается.

Такого не бывало, чтобы сосланных оставили на одном месте, нет, их постоянно перевозили. Вдруг обживутся. Отца забирают в трудармию, а Элю с сестрой и матерью из Абанского района

отправляют дальше на север, к Ангаре. В пути у нее крадут зимнее пальто, а на месте выясняется, что ей негде учиться: «Здесь только 3 кл[асса], а мне надо в 6-ой. Как мне хочется учиться!» С 13 лет Эля идет работать в колхоз на обмолот зерна, мать трудится свиноводом. «Сейчас я мечтаю только об одном, чтобы вернулся папужа и «учиться». Ах, я не знаю, чтобы я отдала за то чтобы могла учиться». Когда брезжит возможность, скорее всего, призрачная, переехать в Минусинск к бабушке и вновь пойти в школу: «Правда, мне учиться очень хочется, да так сильно хочется что и сказать нельзя, но уехать от мамы, чорт его знает куда, оставить ее одну, при таком времени, что каждый день ждешь что-то страшного, и быть может ее больше не увидеть? ни за что на свете. Тогда я лучше откажусь от учебы (несмотря на то что сильно хочется) чем оставить ее одну, среди чужих людей». Прервала записи Эля в 1944-м.

Александр Шлейнинг. Фото: архив красноярского «Мемориала»

Саше Шлейнингу повезло, он был младше — на момент депортации ему 6 лет, и младшая школа в Галанино была, да что толку, кое-как смог закончить лишь два класса: «Носить было нечего, в апреле бегал босиком в школу. В навоз вставал и грелся — ноги от холода горели огнем. За пять минут добегал. Тетрадок не было, писали на бланках, которые были в колхозе». То же, что у всех: переводы из одной деревни в другую, мужчин забрали в трудармию. «Дядю там убили: подсунули под подушку булку хлеба, заключенные стали делать обыск и нашли, а дядю забили до смерти». Старшие братья выжили. Потом уехали в Германию, он ездил к ним, звали к себе насовсем — он не поехал. (Обо всем этом Шлейнинг рассказывал в 2009-м в селе Момотово на Енисее. Братья к тому моменту уже умерли.)

Дети спецпоселенцев. Усть-Енисейский район. 1950-е. Источник: красноярский «Мемориал»

Те, кто еще живы и рассказывают, — это дети, выжившие тогда. И одно почти у всех сожаление: не дали выучиться.

5.

Сухобузимское — в 70 км севернее Красноярска. В селе свой краеведческий музей. В нем — стопки листов репрессированных. В них — что вспомнили о себе и своих старики и старухи. О прожитой жизни коротко.

Рау Эдуард Александрович, 22.06.1932, Волгоградская область, Палласовский район, с. Ромашки.

Мать домработница, отец тракторист в колхозе. Эля 1934 г., Артур 1938 г., Альвия 1950 г., Виктор 1951 г., Андрей 1953 г. Все братья и сестры (кроме Виктора) живут теперь в Германии, Виктор в Красноярске. Выселяли потому, что была война. Без обвинений. В Седельниково завезли в 1941 году, переехали в Толстомысово в 1942-м, в 1972-м переехали в Сухобузимское. Молодежь обзывала «фриц», «немец». В основном только обижали, помощи было не от кого ждать. Больше всего запомнились голод, холод. Хотел получить образование и вернуться на родину.

Клокова Елизавета Александровна, 21.11.1951, совхоз «Таежный» Сухобузимского района.

Мать, Гюнтер Элла Карловна, свиновод. Отец, Сологуб Александр Степанович, зоотехник. Брат Иван долгое время жил в Казахстане, эмигрировал в Германию.

Сестра Лилия в Сухобузимском, работает в отделе статистики. Сестра Нина в Красноярске. Выселили, как всех немцев, с Поволжья. До 1956 года жили под комендатурой. Везли родителей в скотских вагонах. Они не знали русского языка, учились ему уже здесь. Дети местных жителей кидали в нас камнями, унижали, оскорбляли, издевались, дразнили «фашистами». Немцы держались друг возле друга. На какое-то время переезжали в Новоселовский район, а затем вернулись назад, в Сухобузимское. Бабушку посадили в тюрьму на три года за то, что она взяла на уборочной 5 кг зерна, чтобы прокормить семью. Я хотела получить высшее образование, и чтобы условия для жизни стали лучше.

Остатки деревень, где прежде жили спецпоселенцы. Красноярский край. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Игнатьева Фрида Ивановна, 13.06.1931, Волгоградская область, Палласовский район, с. Штрасбург.

Мать, Симон Екатерина Генриховна, техничка, отец, Симон Иван Яковлевич, конюх. Виктор 1926 г., Эльза 1935 г., Мина 1935 г., Андрей 1938 г., Давид 1940 г. У меня остались две сестры: Эльза Бауэр, Мина Кузнецова, остальные умерли, сестры живут в Сухобузимском. У них все нормально. Просто так, даже не дали никаких объяснений (ни за что, ни про что). Была Крипакова тетя Маруся, жила очень бедно, но всем, чем могла, помогала. И еще Мария Ядринкина, тоже была бедная, но все же

помогала. Только одно хорошо помню, холод и голод — это были самые трагические события в моей жизни. Каждому человеку хочется быть грамотным, а я в свое время не смогла, вот и хотела бы, во-первых, получить грамоту, а во-вторых, здоровье поправить.

Вебер Ирма Яковлевна, 11.12.1931, Волгоградская область, Палласовский район, с. Штрасбург.

Родители, Бауэр Мария Генриховна и Яков Христианович, работали в колхозе на Волге. Брат Артур, 1940 г.р., попал под машину в 1949 году. За что репрессирована, не знаю. Народ сказал, все подтвердили. С Шилы переехали в совхоз «Удачный» возле Миндерлы, а потом в Толстомысово, а затем уже в 1957 году переехали в Сухобузимское. Относились по-всякому, никто ничем не помогал. Ничего хорошего, чтобы запоминать, не было, такое лучше не запоминать. Хотела получить образование. И очень хотелось бы вернуться на свою родину.

Павлова Элла Самуиловна, 28.08.1932, Волгоградская область, Палласовский район, с. Штрасбург.

Отец, Майер Самуил Андреевич, председатель колхоза. Мать, Эмилия Карловна, заведующая в детсаде. Брат Роберт. Сестры Ирма и Фрида погибли, Берта уехала добровольно в Германию. Репрессировали из-за немецкой национальности. Большой Балчуг, Татарская, Сухобузимское. Условия жизни были плохими, голодали. Хотела стать певицей на большой сцене (сейчас я просто так пою). Как-то познакомилась с одним парнем, он был солдатом и очень, очень замечательно играл на

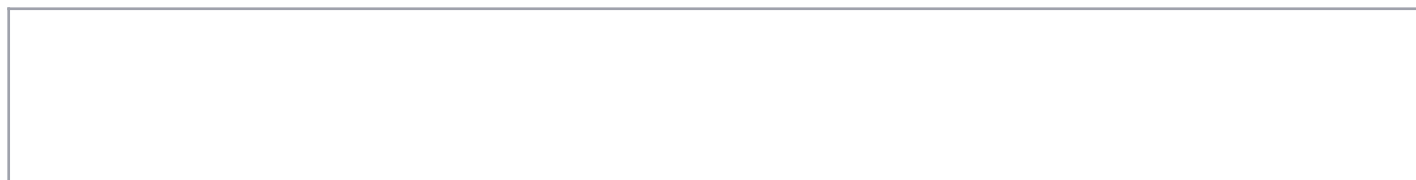
балалайке. Я с ним стала встречаться, но об этом узнал мой отец и забрал меня. На следующий день пришел мой Леша и хотел забрать меня с собой (так мне сказала моя сестра, которая там была и знала о моей первой любви), но было поздно.

Спецпоселенцы-немцы на рыболовецкой точке. Таймыр. 1949–1951. Источник: красноярский «Мемориал»

6.

Проклятие из-за нацистского режима легло на весь немецкий народ. И избыть его трудней, чем закончить войну.

Левин Лох (1926–1996), родился в селе Клаус АССР НП, с матерью выслан в Красноярский край. Почетный гражданин Таймыра, председатель дудинского общества «Возрождение»:

— Кончилась война. Все ждали, надеялись, что наступит время возвращения, встречи с оставшимися в живых родственниками. Но последовал новый удар: в 1948 году, когда СССР подписал Всеобщую декларацию прав человека, был издан указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября, установивший вечную ссылку немцам. За нарушение режима поселения назначалось 20 лет каторги. Мне трудно возвращаться к тем чувствам, что пережил. У всех немцев коменданты НКВД брали письменные обязательства, что они отныне и навеки отказываются вернуться туда, где их родила мать. Брали обязательства, что они никогда не заявят претензии по поводу конфискованного при выселении имущества. Прошло 7 лет. Новый указ: «Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов НКВД...» А вторым пунктом: «Установить, что снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены». Прошу вдуматься: это произошло по истечении 14 лет безвинной ссылки, прошло более 10 лет со Дня Победы.

Рыбаки-спецпоселенцы. Левинские пески. 1950-е. Источник: красноярский «Мемориал»

Лох **рассказывает**, как немцы обращались к Хрущеву и Брежневу, как ездили в Москву, как их обвиняли в национализме и арестовывали. Приводит диалог 7 июля 1965 года между членом делегации Тотцом и Микояном. Последний, в частности, замечает: «Мы не можем сейчас восстановить республику. Не все исправимо...»

Красноярский «Мемориал» **обнародовал** пакет документов, в них — **борьба** немцев-автономистов за восстановление республики на Волге, их письмо (В. Шмидгаль, Р. Кельн, А. Юстус) Брежневу, тогда Председателю Президиума Верховного Совета СССР, — в ответ на его статью в «Известиях» от 30.12.1962 «Торжество ленинской национальной политики». Как автономисты требуют от чекистов ответ, почему саратовская милиция их не пускает на родину, заявляя, что немцам въезд в область к прежним местам их проживания запрещен.

Они **спрашивают** Брежнева:

«Как можно в «кунсткамере» опороченных и репрессированных народов среди «букашек» не заметить «слона» и считать проблему восстановления опороченных народов полностью разрешенной?»

На берегах Енисея. Вагоностойка (подсобный материал для перевозки строевого леса в вагонах). Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Констатируя восстановление национально-государственных автономий чеченского, ингушского, балкарского, карачаевского, калмыцкого народов, немцы спрашивают: а где наша, 1,6 млн советских немцев, поволжская республика? «Немецкий народ получил по заслугам, а стало быть, и исправлять нечего»?

Здесь же — о планах собрать подписи немцев и отправить с ними делегацию в ЦК, к Хрущеву, «стучать в двери, пока не

откроют», передать правительству ФРГ жалобу на положение немцев в СССР с просьбой поставить в ООН вопрос: или дайте советским немцам автономию, или разрешите выезд за границу. И о **противодействии** немцам-автономистам УКГБ в сибирских регионах, в Казахстане, Волгоградской области — **справки** и докладные **записки** чекистов партийному руководству.

Только 3 ноября 1972 года с немцев **сняли ограничения** в выборе места жительства. Но автономию в Поволжье не вернули. «Не все исправимо». Последняя попытка была в конце 80-х.

7.

Александр и Полина Бауэр детьми прошли смертную трагедию Агапитова 1942–1943 годов. Их увозили с Волги одним эшелоном, потом шли на север в трюмах одного корабля. Разглядели друг друга позже, в Игарке, поженились.

Полина и Александр Бауэр. Фото: семейный архив

Строки из дневника депортированной в Усть-Хантайку латышки Руты Янкович:

«27.07.43 г. Из Игарки (130 км) вернулись три финна, рассказали: «<...> На станке Агапитово (45 км) мы увидели палаточный городок, где в 30-местных палатках лежали примерзшие к жердям и подстилке люди, в основном женщины, дети и меньше — старики. В палатках нет железных печек, не видно дров и вообще признаков жизни массы людей. Обходить все палатки нам было страшно — кругом трупы. И все-таки «живого скелета» мы нашли и узнали от него, что сюда перед самым ледоставом Енисея на пароходе было доставлено порядка 500 человек, в основном немцев из Поволжья и Прибалтики. Людям дали только палатки — ни печек, ни труб для них, ни топоров и пил для заготовки дров, и главное — без питания. По сути, людей списали полностью. И вот результат — люди умерли с голоду и замерзли. Мы почти ползком добрались до Игарки и об увиденном в Агапитове сообщили в спецкомендатуре НКВД. Комендант, выслушав нас, спросил: «А есть там еще живые?» Мы поняли из разговора, что спецконтингент, доставленный на станок Агапитово, властью был просто забыт».

После легендарного боя 28 героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково со временем нашлись пятеро погибших — среди живых. Найти выживших в Агапитове не получалось — ведь им звания Героев Советского Союза не давали. Голоса Бауэров мы слышали тоже, в общем, благодаря случайности, имя ее — красноярский «Мемориал» и Алексей Бабий.

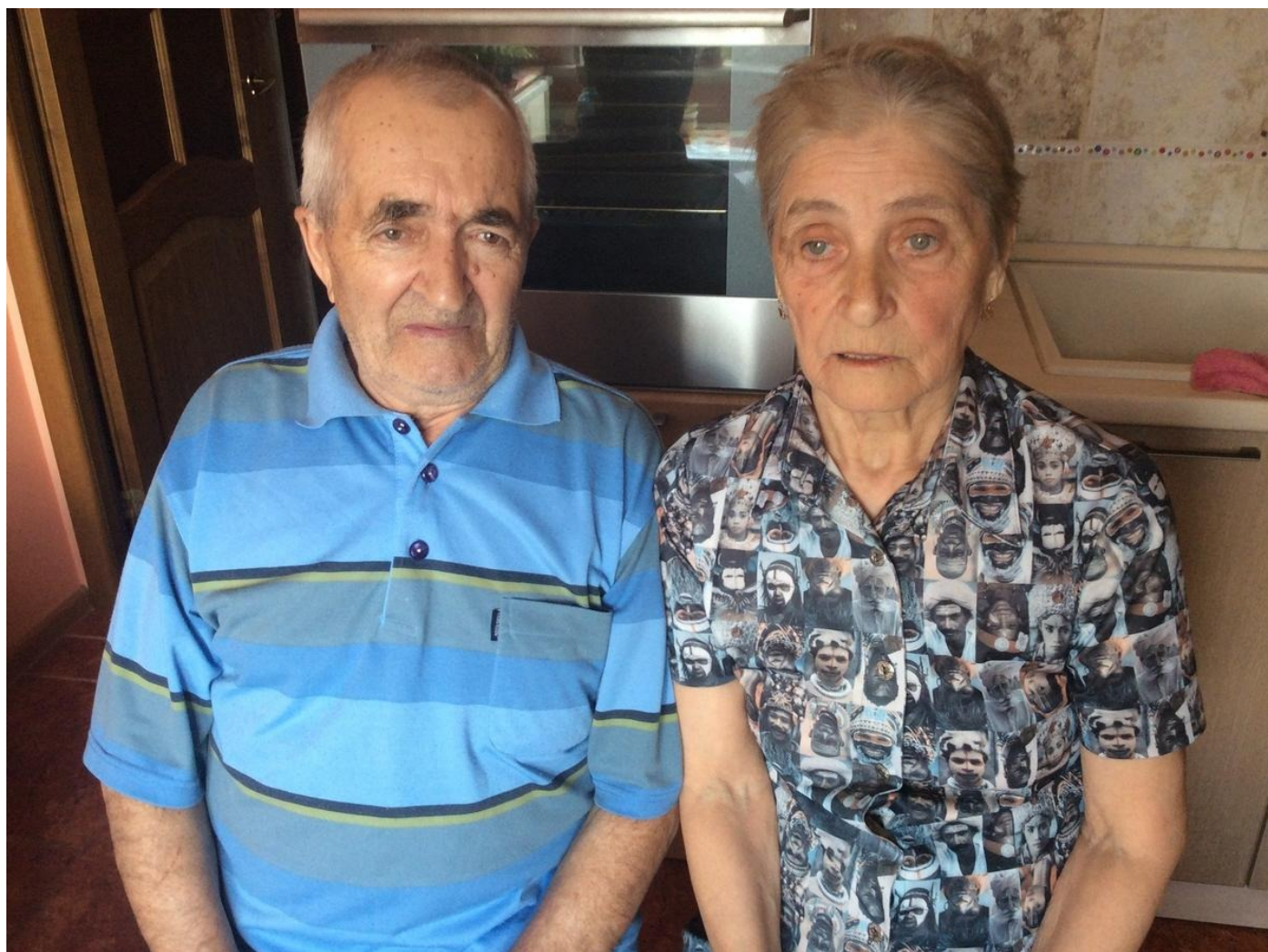
30 октября 2015 года. День памяти в Красноярске. Культурно-исторический центр. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Я **говорил** с Бауэрами в 2015-м, и они ничего не забыли. Ни Агапитово, ни то, что было до него.

Полина Бауэр:

— Во сне видела наш дом чуть не каждую неделю, грезила им. И, вы знаете, он таким и оказался. Мы были в Бальцере в 1974 году. Зашли в дом. Нас спрашивают: кто такие? Конечно, перепугались, что мы чего-то требовать приехали. Усталые были, с дороги, а нас даже чаем не угостили. Но мне, видимо, просто избавиться надо было от этого наваждения. Меня замучила

ностальгия. И ведь всё: посмотрела на дом наяву, и перестала видеть этот сон. Выветрился из головы. Был жаркий день. Домики низенькие, рыжая глинистая дорога, машина проедет — пыль столбом. Какой городишко был, такой и остался... А в село мужа Моргентау и не поехали. Он больше помнит, ему 7 лет было в 41-м. Как он пятки отбил, прыгая с дерева: дня два-три ходить не мог. У них был большой сад, за ним под уклон речка... Я не знала еще, конечно, что война, помню только, папа на руках несет на фабрику, солнечный такой красивый день, цветы уже всякие были. Там большое радио, картонное как бы, тарелка на улице висела. Музыку из нее помню.

Александр и Полина Бауэр. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

...От Красноярска до Дудинки и еще дальше, к устью Енисея, до сих пор много немецких фамилий. Сколько ни ходил этим маршрутом, если встречается деревня, где главой стоит немец (или старообрядец), значит, она будет живой, с детьми в школе и детсаду, с носящимися туда-сюда лодками, с маленькими коровами — пусть те одиноко и жмутся к домам: местная природа лежит во зле, как заведено, это ее основание, и все неместные формы жизни происходят вопреки природной среде и всей ее лютости. Может, несчастные коровы и лошади просто чуют медведей — те на обезлюдевших берегах, в отсутствие конкуренции, вконец озверели.

Поселения, которые живы, выдают еще поленницы — гордыми бастионами на берегу, непонятно какому двору принадлежат, артельные фортификационные сооружения от зимы. Всю зиму жечь дрова, которые запасали все лето. И так из года в год.

Жизнь называется.

Деревня спецпоселенцев на Енисее. Наши дни. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А вообще, конечно, в том, как темны окна (как бьется в них, верно, всю ночь полуоторванный ставень), как замерли в падении изгороди и висит взошедшая луна, как серы и безнадежны избы и тес ворот, чувствуется непроходимое — как гравитация, как кружение луны — презрение к жизни. Нежелание на нее смотреть и ее чувствовать. Можно подумать, что где-то нас с нетерпением ждет нечто светлое, и все мы там непременно окажемся, боже, спаси нас всех.

Печные трубы торчат в синем небе столь горько и неизбывно, как если через них изливается в мир вся человеческая тоска.

На Енисее. Валентин. Деревня Колмогорово. 2010 год. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Из уехавших в Германию — после того, как появилась возможность — многие вернулись обратно, в Россию. Не прижились. Уже невозможно. Марсианские экспедиции заведомо безуспешны. Местные точно проштампованы инвентарными номерами — уже только здесь, и больше нигде.

8.

Когда это было можно, и пока красноярский «Мемориал» в костяке своем был в силах и энергичен, в его экспедициях

школьники и студенты опрашивали бывших ссыльных. Школы и сами проводили такую работу по собственной инициативе.

Респонденты (или школьники?) порой путали исторические факты и не то чтобы сознательно уравнивали сталинский и гитлеровский режимы, просто в этих бесхитростных рассказах само так получалось, а дети многого не понимают и просто записывают, в конце концов, в том их и задание.

Скажем, дед, 1932 г.р., из АССР НП говорит: «Немцы выгнали нас со своей родины». Вряд ли это тянет на статью «публичное отождествление роли СССР и нацистской Германии», и вряд ли это так уж неверно — если не о фактах, а о сути.

Вот выдержки из [работы](#) учениц школы № 3 Енисейска под руководством словесника Ирины Моисеевой. Они опрашивали жителей деревни Назимово, по рождению немцев Поволжья.

Виктор Генрихович Штумпф:

«Когда прибыли сюда, мне было 10 лет. Вещей нам не разрешали, а местное население к нам как к собакам. Спустя некоторое время мы стали жить лучше, привыкли друг к другу. А на родину я ехать не хочу. Я считаю, что моя родина — это Назимово» (респондент не умеет писать, за него расписалась жена).

Эльза Фридриховна Есина:

«Прибыли осенью 1942 года, приняли сначала плохо, но потом сдружились. Поселили в клуб, потом на дом. Назимово стало родным домом. Здесь выросла, работала, вышла замуж. На родину вернуться не хочу, моя родина

здесь. Там меня все равно никто не ждет».

Деревня спецпоселенцев на Енисее. Наши дни. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Фридрих Фридрихович Адольф:

«Местное население относилось исключительно хорошо к семьям депортированных. Лишь изредка можно было услышать: фашист, немец, фриц. Но несмотря на эти трудности, Назимово стало второй родиной».

Ольга Иофьевна Конради:

«Местное население приняло нейтрально, не хорошо и не плохо, им было просто на нас наплевать. Но спустя некоторое время жители Назимова стали более дружелюбнее и любезнее. И между нами заводились разговоры».

Эдуард Фридрихович Адольф:

«Местное население приняло нас очень плохо, такого даже врагу не пожелаешь». (Примечание школьниц: респондент долго плакал и не мог успокоиться, потому что его воспоминания очень горьки и ужасны. Он бы нам рассказал многое, но ему очень больно все вспоминать.)

Этот материал вышел в шестом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших [партнеров](#).

* Является одним из коллективных членов Международного «Мемориала», признанного «иноагентом» и ликвидированного.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Мы — щепки, с нами лес

С нашими мертвецами сводят счета. Они лежат ровно и не могут дать сдачи — но это иллюзия. И это сублимация гражданской войны

09:56, 30 октября 2024, Алексей Тарасов